

...Но можно рукопись продать

Рукопись — 1999 — 18-24 февр. — С. 7

“Прости, душа — да пришли мне денег”

Из всего богатства эпистолярного жанра, которое ценится на вес золотых чернил живущими перечитыванием пушкинистами, Юрий Аввакумов отобрал все, что связано с символом этого богатства — деньгами. Переживания поэта по поводу недостатка денег, записанные искаженным голосом Аввакумова на магнитофон, прокручиваются непрерывно в галерее “XL”. Рассеянное на отдельных листах по соответствию различным адресатам (Вяземскому, Погодину и т.д.) послание адресуется силой концептуальной воли художника профессиональным нищим, менеджерам-управляющим, художникам-оформителям и государственным служащим.

Посетитель галереи попадает как будто в пункт обмена валюты, где ценные бумаги с изображением великого русского поэта обмениваются по курсу художественной акции на то, что каждый может предложить. Строчки, высыпавшиеся словно из денежного мешка (в котором завелись мыши), создают ощущение вечной нехватки денег:

“Прости, душа — да пришли мне денег”.

“...я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола”.

“Радуюсь, что мог услужить

тебе своей денежкой, сделай милость, не торопись...”

Юрий Аввакумов (с 1993 г. директор фонда авангардного искусства “Утопия”) обращается к раненным кризисом сердцам россиян, одухотворяя пронзительным текстом действительно вечную, но вполне прозаическую тему. Художественная акция обесценивает пафос идеи “Пушкин — наше все”, но не “банкротит” саму идею. Напротив, проследит ее актуализация.

В трети писем поэта, дошедших до нас, речь идет о деньгах. Понятно, что живой поэт думал о своих адресатах и собственных интересах, а не о будущих читателях писем, в то время как все остальные произведения адресуются живым и еще не родившимся. Автор стихотворений и поэм, чей лирический герой, произнося заковыченное “я”, очень часто подразумевает “мы”, тем и интересен. Акция Аввакумова как раз и позволяет превратить эпистолярное “мне” в такое близкое нашим современникам “нам”, многие (но не все) ведь подпишутся под словами: “Словом, мне нужны деньги или удавиться”.

Методом иглоукалывания

Ира Вальдрон, живущая на родине Дантеса, родилась в Ленинграде. Прокладывая своеобразный мостик между двумя давно отказавшимися от дуэли странами, она делает свой концепту-

альный выстрел по невидимой, но системнообразной мишени, выставляя серию аппликаций из ткани в галерее Гельмана.

Вышитые вручную произведения, состоящие из текстов и фигур, обыгрывают пушкинскую донжуанскую тему: через всю галерею тянется ковровая дорожка (заставляющая вспомнить “незарастающую народную тропу”), с именами героинь, а надписи типа “Не дай мне Бог сойти с ума во глубине сибирских руд” слышатся как эхо переоценки ценностей. Вальдрон говорит на накачанном “стимуляторами” стеба языке и превращает каноническое “Пушкин — наше все” во “все, что для нас Пушкин”.

Чрезмерная мифологизация значения поэта, возможно, не на пользу России, как и любая гипертрофированная тенденция, но, пусть и удачное, эрничество быет по отвлеченной мишени, в которой вписанные круги — плод воспитанного отношения. “А платить кто будет, Пушкин?” — фраза, произносящаяся, видимо, в борделе, характерна для выставки, которая называется “Фак-Ю, Дантес!” и воплощает попытку уравновесить высокое и низкое, пафос и язвительный тон. Похлопывание памятника по плечу вызывает звук менее отчетливый, чем в случае с живым поэтом, поэтому “Прогулки с Пушкиным” Снявского, вызвавшие переживания многочисленных сторонников чистоты и по-

стоянства мнений, убеждают интеллигентностью. Резкость звука на “аппликаторе” Иры Вальдрон возникает в чрезмерно чувствительных точках, которые выбраны для успешного проведения концептуальной игры. Но нельзя вылечить от сверхценных идей методом “иглоукалывания”. И хотя у автора отсутствуют “лечебные” наклонности, она добивается желаемого эффекта.

Вальдрон “переворачивает” страницы пушкинского словаря, и с них слетают слова-ловушки, невидимые ранее (“классно”, “клево” и т.д.), в которые попадают загнанные обесцениванием приверженцы нового стиля. Пушкин поставил “монумент” литературному языку, и именно это сооружение нужно воспроизводить и бесконечно тиражировать. Вальдрон, шьющая покрывала для поэта, поигрывает с ним, почти как со своим, придавая правилам отвлеченной от объекта концептуальной игры новый художественный оттенок: Пушкин, являясь художественным объектом, одновременно адресат. Говоря о нем, автор к нему же и обращается.

Поэт не вызывает автора на дуэль, учитывая пол, но отзовется чем-нибудь высоким с высоты своего двухсотлетия, отвечая на вопрос: “А платить кто будет, Пушкин?”

Александр
ВАЙНШТЕЙН